

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ЭДГАР Л.
ДОКТОРОУ**

МОЗГ ЭНДРЮ

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д63

E.L. Doctorow
ANDREW'S BRAIN
Copyright © 2014 by E.L.Doctorow
Copyright © Photo by Francesca Magnani

Перевод с английского и примечания *Елены Петровой*
Художественное оформление *Андрея Старикова*

Доктороу, Эдгар Л.
Д63 Мозг Эндрю / Э. Л. Доктороу ; [пер. с англ. Е. С. Петровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-90424-2

Впервые на русском языке роман одного из самых значительных американских прозаиков. Автор «Регтайма», «Билли Батгейта», «Марша» и многих других известных произведений обращается к теме, которая не может не интересоваться каждого: что собой представляет человеческий мозг, каким образом действует наше подсознание. Главный герой, Эндрю, профессор-нейробиолог, анализирует прошлое, размышляя над смыслом своих поступков и вообще жизни. Он перелистывает свою память, словно увлекательную, никогда не читанную книгу, и убеждается в том, что самое неизведанное существо для человека — он сам.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-90424-2

© Петрова Елена, перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава первая

Могу рассказать вам о своем друге Эндрю, он ученый-когнитивист. Но хорошего в этой истории мало. Как-то вечером он появился на пороге дома своей бывшей жены Марты с младенцем на руках. Потому что Брайони, чудесная, юная Брайони, на которой он женился после Марты, умерла.

От чего?

До этого еще дойдем. Один я не справлюсь, сказал Эндрю, когда Марта устала сидеть на нем с порога. В тот вечер как раз пошел снег, и Марту заморозили мягкие, будто живые снежинки, которые падали на козырек его бейсболки с символикой «Нью-Йорк Янкиз». Такое уж было у Марты свойство: погружаться во второстепенные детали, будто перекладывая их на музыку. Отвечала она и в рядовых случаях не сразу, глядя на тебя круглыми карими гла-

зами навикате. Потом могла улыбнуться, кивнуть или покачать головой. Тем временем через открытую дверь уходило тепло ее дома — у Эндрю даже запотели очки. Отгороженный мутными стеклами, он стоял под снегопадом, как слепой, и никак не проявил свою волю, когда Марта наконец протянула руки, осторожно забрала укутанную малышку, отступила назад и прямо у него перед носом захлопнула дверь.

Где именно это было?

Марта жила в Нью-Рошель, пригороде Нью-Йорка, в той его части, где смешались совершенно разные архитектурные стили — позднеготический, голландский колониальный, неогрек; дома в большинстве своем построены в двадцатых-тридцатых годах прошлого века и отгорожены от проезжей части преимущественно старыми норвежскими кленами. Эндрю сбегал в машину и вернулся с переноской, дорожной сумкой и двумя полиэтиленовыми пакетами детских вещичек. Он забарабанил в дверь: «Марта! Марта! Ей шесть месяцев, у нее есть имя, есть свидетельство о рождении. Оно

у меня тут, открой, пожалуйста, Марта, я не отказываюсь от своей дочери, мне просто нужна помощь, мне нужна помощь!»

Дверь распахнулась: на пороге стоял солидный муж Марты. «Поставь барахло на землю, Эндрю», — сказал он. Эндрю подчинился, и солидный муж Марты сунул ребенка ему в руки. «Ты всегда был чудилой, — продолжил солидный муж Марты. — Сочувствую, что твоя молодая жена умерла, но сдается мне, умерла она по причине твоей идиотской ошибки, преступной небрежности, какого-нибудь мыслительного эксперимента или пресловутой профессорской рассеянности, но в любом случае это только напоминает нам всем, что у тебя талант притягивать беду».

Эндрю положил ребенка в стоявшую на земле переноску, поднял переноску с ребенком и медленно побрел к машине, чуть не упав на ровном месте. Он закрепил переноску на заднем сиденье, вернулся к дому, взял пакеты, сумку и отнес их в машину. Когда все было сложено, он закрыл дверцу, распрямился, повернулся и обнаружил перед собой закутавшуюся в шаль Марту. «Ладно», — проговорила она.

[Задумывается.]

Продолжай...

Нет, я просто вспомнил одну статью о патогенезе шизофрении и биполярного расстройства. Нейробиологи решат проблему генетическим секвенированием, обнаружат колебания в геноме — этих протеиновых паразитов, прицепившихся к телеологии. Обозначат их цифрами и буквами, тут отчекрывают букву, там добавляют цифру — и все, берегись, недуг, тебе конец. Так что ваше лечение словом, док, не принесет серьезных результатов.

Я бы не стал утверждать с такой категоричностью.

Поверьте, вы останетесь без работы. Мы же охочи до плодов древа познания, что нам остается, кроме как биологизировать самих себя? Покончим с болью, продлим жизнь. Хотите, к примеру, третий глаз — на затылке? Можно устроить. Вывести вам прямую кишку в коленку? Без проблем. При желании можно даже крылья приделать, хотя в результате вы будете не летать, а, скорее, делать гигантские прыжки, парить сверхдлинными шагами, как

будто скользя на этих плоских эскалаторах в переходе аэропорта. И откуда нам знать, что Богу это неудобно — наше стремление усовершенствовать его хреновый, ущербный замысел жизни как неизлечимой болезни? Мы для него — запасной план, беспроигрышный вариант. Бог действует через Дарвина.

Так Марта в итоге взяла ребенка?

Еще я думаю о том, как мы разлагаемся в своих гниющих гробах, и о том, как после перерождаемся, как наши ничтожные микрoгенетические частицы засасывает в брюхо слепого червя, который сам не знает почему, но извивается в размокшей от дождя почве, только чтобы сгинуть в остром воробьином клюве. Смотрите, это ведь мое живое геномное удостоверение личности было высрано с неба, шлепнулось на дерево и теперь болтается на ветке, как размокший бинт. Поберегись! Я по капле подкармливаю собой дерево, которое борется за жизнь. Это ведь правда, что деревья, бездвижные, стоящие наизготовку васкулярные великаны, безмолвно борются за свое существование, подобно нам самим; деревья бьются

между собой за одно и то же солнце, за одну и ту же почву, чтобы пускать корни и разбрасывать семена, которые станут их дикорастущими врагами, как принцы древних империй становились врагами своих царственных отцов. Но деревья не совершенно бездвижны. При сильном ветре они танцуют свой танец отчаяния, качают тяжелыми шапками крон, вздымают руки в бессильной ярости от своего естества... Да, от антропоморфизма до голосов в голове — всего один шаг.

Ты слышишь голоса?

Ага, я так и знал, что это зацепит ваше внимание. Да, обычно перед сном. На самом деле, если я их слышу, то осознаю, что засыпаю. И это меня будит. Я же не хотел вам это рассказывать, но зачем-то рассказываю.

И что они говорят?

Не знаю. Странные какие-то вещи. Но я их даже не слышу. То есть это явно голоса, но в то же время они беззвучны.

Беззвучные голоса.

Вот именно. Я будто улавливаю смысл слов, произнесенных без звука. Улавливаю смысл, но знаю, что на самом деле произносятся слова. Как правило, разными людьми.

Кто эти люди?

Мне они незнакомы. Одна девица попросила меня с ней переспать.

В этом как раз нет ничего странного — мужчинам снятся такие сны.

Это больше, чем сон. К тому же я ее не знал. Девушка в длинном, по щиколотку, са-рафане. И в беговых кроссовках. Под глазами нежные веснушки, а лицо с виду бледное, будто под ярким солнцем, хотя стоит она в тени. Такая прелестная, что сердце разрывается! Она взяла меня за руку.

Тогда это больше, чем голос, определенно больше, чем беззвучный голос.

По-моему, тут дело в том, что я, услышав смысл, рисую у себя в голове картинку...

Давай вернемся к Эндрю, ученому-когнитивисту, хорошо?

Не очень-то мне охота признаваться, что я слышу беззвучные голоса, еще и когда бодрствую, когда просто занимаюсь повседневными делами. Впрочем, почему бы и не рассказать? Как-то утром иду я на работу и, купив по пути стаканчик кофе и газету, останавливаюсь перед светофором. Наблюдаю, как тикает отсчет красного. И какой-то голос мне говорит: «Чем так стоять, может, починишь дверь?» Да так отчетливо, так похоже на реальный голос, что я даже обернулся посмотреть, кто сзади. Но там никого не было, я стоял на углу один.

И какая картинка родилась у тебя после этой фразы?

Старушка. Я иду к ней на кухню, останавливаюсь в дверях. Мы на какой-то запущенной ферме. Вероятно, в западной Пенсильвании — так мне показалось. Во дворе стоит старый пикап. Старушенция одета в линялый халат. Без тени удивления она подняла глаза от раковины и произнесла эти слова. А за кухонным столом

сидела девчушка и рисовала фломастером. Старухина внучка? Не знаю. Она взглянула на меня, снова вернулась к рисунку и вдруг начала яростно чиркать по нему своим фломастером — вымарывала все, что успела нарисовать.

На самом деле, тот, кто фигурирует в рассказе как твой друг Эндрю, ученый-когнитивист, тот, кто привез младенца к своей бывшей жене, — это ты?

Да.

И ты говоришь, что тебе приснилось, будто ты сбежал и оказался у двери запущенного фермерского дома неизвестно где?

Нет, это был не сон, это был голос. Давайте повнимательнее. Этот голос вернул меня к тому моменту, когда я пустился в бега после того, как умерла наша с Мартой дочурка, а вместе с нею умерла и наша совместная жизнь. Мне было все равно, куда бежать. На центральном автовокзале я вскочил в первый попавшийся автобус. В автобусе заснул, а когда проснулся, мы петляли по холмам западной Пенсиль-

вании. Остановились часа в два-три ночи у маленького турагентства в каком-то городке, и я решил побродить по главной площади, но там все было закрыто — аптека, дешевый магазинчик, багетная мастерская, киношка. Одну сторону той площади полностью занимало здание суда в эдаком романском стиле. На квадрате жухлой бурой травы стоял черный с прозеленью памятник времен Гражданской войны — всадник на коне. Когда я вернулся к турагентству, автобуса уже не было. Так что я пешком вышел из города, пересек железнодорожные пути, двинулся мимо каких-то складов и примерно через милю-две, когда уже начало светать, наткнулся на эту запущенную, неухоженную ферму. Мне хотелось есть. Я вошел во двор. Не найдя никаких признаков жизни, обогнул дом сзади и оказался у двери, затянутой сеткой от насекомых. А внутри сидели эти двое, которых я выдумал, а может, мне только показалось, что выдумал, — дитя и старушка. И старушка оказалась та самая, что заговорила со мной утром, пока я стоял со стаканчиком кофе и газетой в Вашингтоне и ждал, когда загорится зеленый.

То есть ты хочешь сказать, что сбежал и оказался где-то в Пенсильвании, у реальной двери какого-то полуразвалившегося дома, который до этого сам же выдумал?

Да нет, черт возьми. Я такого не говорил. Я действительно вскочил в автобус и ехал, как рассказал. Захолустье, неприглядная ферма. И когда я подошел к дому, там на кухне действительно сидели двое — пожилая женщина и девочка с фломастерами. Под потолком висела клейкая лента, вся черная от налипших мух. Так что все было очень даже по-настоящему. Разве что никто не просил меня починить дверь.

Вот как?

Это была моя инициатива. Я устал, проголодался. Мужского присутствия там не заметил. И решил предложить какую-нибудь помощь по хозяйству, чтобы мне взамен дали умыться и поесть. Не клянчить же подачку. Так что я улыбнулся и сказал: «Доброе утро. Я немного заплутал, но увидел, что вам не помешает подправить дверь, и подумал, что за чашку кофе смогу ее починить».